

В заключении хочется отметить, что трансцендентальная феноменология Гуссерля является достойной частью в целом, являющим собой традицию европейской метафизики. Безусловно, феноменология дает интересное решение тех вопросов, которые метафизика ставила и ставит перед собой. И это решение интересует нас так же, как решения в рамках концепций других философов, так или иначе, вписавших себя в традицию.

Макаенко Я.А.

Рецензия на книгу «Философия и логика Львовско-варшавской школы».

В 1999 году в Москве в издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышла книга «Философия и логика Львовско-Варшавской школы». В условиях неуклонно возрастающего интереса к этому крупнейшему философскому содружеству XX века, который, похоже, уже составляет характерную черту постсоветского периода развития русской логики и научной философии, значение этой книги гораздо легче недооценить, чем переоценить. Без особых оглядок можно утверждать, что именно здесь впервые достигается достаточно целостное и рельефное представление основных аспектов философской деятельности крупнейших польских логиков. Это достоинство данного сборника многократно умножается тем обстоятельством, что подавляющее большинство представленных здесь материалов на русском языке опубликовано впервые. Конечно, львовско-варшавская школа объединяла не только философствующих логиков и математиков, и даже философские интересы этих последних не ограничивались только тем, что на Западе иногда называют «философской логикой». Однако, разумно ли сетовать на то, что в сборник не включены работы, скажем, В. Витвицкого или З. Завирского, или же на то, что результаты польской школы метаэтики или польской философии науки представлены в мастерском, но, увы, слишком кратком и носящем по преимуществу вводный характер изложении Я. Лукасевича и Т. Чежевского? Все эти пробелы, несомненно, должны быть устранены, но попытка заполнить их посредством одного издания равносильна попытке пальцем заткнуть пробойну «Титаника».

Эту книгу нельзя прочитать взмахом и единым махом так, чтобы сохранить при этом целостность понимания. Каждый из представленных в сборнике мыслителей – это интеллектуальный континент, каждое лицо здесь заслуживает того, чтобы пристальнее взглянуть в его черты. Каждая из представленных работ – это определенный урок из области чистого мышления, ведущий, при внимательном прочтении соответствующего текста, к значительному улучшению интеллектуальных навыков читателя. Таким образом, в своей совокупности эти тексты образуют уникальную школу философствования, которую стоит пройти каждому, кто всерьез намерен заняться философией как интеллектуальным упражнением, а не в качестве попытки соединения чужих мнений с собственными предрассудками. Позитивный эффект данной книги усиливается тем обстоятельством, что философские концепции современных русских логиков (укажем, к примеру, на концепцию научной философии крупнейшего московского логика В. А. Смирнова) обнаруживают неоспоримое идейное и генетическое родство со взглядами на структуру подлинно научной философии, присущими представителям львовско-варшавской школы. Да и не только русские логики находились и находятся под ее влиянием; многие философы и логики,

работающие ныне в Америке, Центральной и Северной Европе, прямо или косвенно продолжают ту канву философствования, которая была задана Тарским и Лукасевичем.*

Достоинства содержания рецензируемого сборника идут рука об руку с достоинствами его формы. Книга прекрасно издана, публикация работ каждого мыслителя предваряется его фотографией и обширной биографической справкой и завершается полной библиографией работ каждого философа, часто включая и их многочисленные переводы на другие языки. Все это позволяет без труда включить содержание публикуемых работ в широкий личностный и историко-философский контекст, связать его с непростыми порой судьбами научной философии в XX веке.

А сейчас, хотелось бы дать некоторую специальную характеристику каждому из опубликованных текстов, а также несколько рекомендаций по ее прочтению. Большинство этих текстов вполне доступно пониманию внимательного и вдумчивого читателя даже при отсутствии какой бы то ни было специальной подготовки, но все же наилучшим подступом к работе с данной книгой было бы прочтение небольшого текста К. Твардовского, открывающего ее. В дальнейшем наиболее естественным представляется переход к статьям Я. Лукасевича «Логистика и философия» и «В защиту логики». Эти тексты, написанные в максимально ясном философском стиле, которому столь большое значение придавал основатель Львовско-варшавской школы К. Твардовский, дают читателю общее представление о том круге проблем, который интересовал ее представителей и о тех путях, которыми они продвигались к решению этих проблем. Читатель, вероятно, обратит внимание на то, какое большое значение приобретают в этих работах вопросы философского метода. Ведь вопросы логики и стиля – это то, что традиционно относилось к пропедевтике философских наук, к вспомогательным философским дисциплинам. Но, не усвоив того, что «жи», «ши» пишется через «и», невозможно написать даже «Чижик-пыжик», не говоря уже о «Евгении Онегине». А в том, что вся эта пропедевтика не является прикрытием педантизма и творческого бесплодия, мы, со всей очевидностью, убеждаемся, переходя к следующей группе текстов, посвященных точным и взвешенным решениям некоторых канонических примеров того, что в философии называется «вечными вопросами». Здесь общие рекомендации неуместны, ибо каждый может обратиться к тем вопросам, которые обладают для него наибольшей интеллектуальной привлекательностью. Интересуют ли Вас вопросы натурфилософии, этики («О детерминизме» Я. Лукасевича) или аксиологии (работы Т. Чезовского), философии языка (работы К. Айдукевича, особенно «Язык и смысл») или философии науки? А может быть, Вам интересна прежде всего онтологическая проблематика (текст С. Лесьневского)? Как бы то ни было, один из этих текстов заслуживает того, чтобы быть прочтенным всяким образованным человеком, ибо в своей философской значимости и, порой, роковом, влиянии на философскую мысль XX века его можно сравнить разве что с «Логико-философским трактатом» Витгенштейна или «Логическими исследованиями» Гуссерля, причем явно не в пользу даже этих титанов современной философии. Речь идет о «Понятии истины в языках дедуктивных

* Эти два логика оказали, пожалуй, наибольшее влияние на мировую науку, в силу того, что, эмигрировав в период Второй мировой войны на англо-американский Запад, они получили возможность представить свои концепции максимально широкой научной аудитории.

наук» А. Тарского. Текст этот, прямо скажем, трудноват, и бросаться на его штурм без всякой «артиллерийской» подготовки в виде, скажем, прочтения «Заметок по логике» Р. Линдона было бы несколько опрометчиво. Но чего бы Вам ни стоило прочтение этого текста, оно даст Вам больше чем тысячи и тысячи интеллектуально легковесных трактатов по «гуманитарной» философии.

Ольховиков Г. К.

От «тропы к водопою» до научной теории.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.

Впервые увидав эту книгу на прилавке, я сразу же обратил на неё внимание. Фамилия автора была знакома по другим его публикациям, посвящённым нетрадиционным формам знания. Но, посмотрев оглавление, счел, что покупать книгу не буду, поскольку было непонятно, к чему она относится. На первый взгляд, она претендует на научное издание. Просмотрев содержание более внимательно прихожу к выводу, что эту книгу можно отнести к области эзотерической литературы, которая стала в последнее время очень популярна. Краткая аннотация включает круг увлекательных вопросов: в ней заявлено, что авторский подход направлен на построение «естественной онтологии знания», которая соответствует *всему* многообразию человеческого мира и бытия. Замысел достаточно интересен. Попытаемся оценить его реализацию.

Внимательное знакомство позволило выделить следующие положения данной книги:

- Для И.Т. Касавина понятие «миграции» является ключевым, поскольку данное понятие выполняет системообразующую функцию в теоретико-познавательном исследовании.
- Используя архетип миграции, автор надеется построить новую онтологию познания, которая не будет использовать понятия субъекта и объекта, отражения, мозговой деятельности и близкие им категории.
- Вместо феномена знания вводится феномен «познавательной установки». Знание в данном контексте рассматривается как эмпирическое явление, а познавательная установка «как основное квазиаприорное условие знания, придающее ему направление».
- Знание не рассматривается как продукт особой познавательной деятельности. При этом предполагается выход за пределы понимания знания как многообразия, а также выяснению взаимоотношения знания и сознания, деятельности, общения, что приводит к специфике знания через анализ особой познавательной установки, обладающей собственным онтологическим статусом.
- В свою очередь анализ познавательной установки приводит нас к одному из основных принципов неклассической теории познания: признанию того, что знание возникает из незнания эволюционным путем.
- Именно разработка понятия познавательной установки придаёт новой теории познания неклассические черты. Выход в сферу неклассической установки утрачивает форму теоретического исследования и выводит нас в область художественной литературы. Это «не новая парадигма, но лишь межпарадигмальная стадия развития дисциплины», которой присуща скептическая установка, раскачивающая догматические установки, когда задача